

А.А. Комзолова

**ЗАПАДНЫЙ КОМИТЕТ И НАРОДНАЯ ШКОЛА
В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРАЕ (1862–1864)**

A.A. Komzolova

**THE WESTERN COMMITTEE AND PEOPLE'S SCHOOL
IN THE NORTH-WESTERN PROVINCES (1862–1864)**

Аннотация. В статье рассмотрен процесс обсуждения и принятия в Западном комитете (1862–1864 гг.) временных правил для народных школ в губерниях Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской, Витебской и Могилевской 23 марта 1863 г., а также роль в их корректировке обер-прокурора Святейшего Синода А.П. Ахматова. Правила допускали возможность использования «местных наречий» при обучении Закону Божьему католиков-белорусов и литовцев. В этой установке нашли отражение предложения попечителя Виленского учебного округа князя А.П. Ширинского-Шихматова и виленского генерал-губернатора В.И. Назимова, которые и после начала польского восстания 1863–1864 гг. не отказались от идеи сочетания в начальном обучении «местного наречия» с русским языком. Сменивший В.И. Назимова на посту главного начальника Северо-Западного края М.Н. Муравьев стремился избегать радикальных подходов в конфессиональной сфере. Поэтому он предпочитал, в частности, не форсировать процесс «изъятия» польского языка из преподавания католического Закона Божия и введения вместо него русского (или белорусского) языка. Однако решающим фактором, определившим в 1863–1865 гг. практику применения временных правил 23 марта 1863 г., стало внесенное в журнал Западного комитета, но не опубликованное в «Полном собрании законов Российской империи» дополнение к ним. Это дополнение, вставленное по инициативе А.П. Ахматова, предполагало, что публикация любой литературы для народа на «местном наречии», касавшейся религиозного образования католиков, должна быть отложена до обсуждения и окончательного решения Святейшим Синодом. Вплоть до 1865 г. и назначения виленским генерал-губернатором К.П. фон Кауфмана неопубликованное дополнение к временным правилам учитывалось Министерством народного просвещения в ка-

---

Комзолова Анна Альфредисовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН

Komzolova Anna Alfredisovna, PhD Candidate in History, Senior Research Fellow, Department of History, Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION), Russian Academy of Sciences

+7-925-833-26-72; amok.1863@mail.ru

честве основного аргумента для отказа от введения в Северо-Западном крае русского языка в религиозное образование католиков-белорусов. В 1864 г. именно на этом основании было отклонено подобное предложение попечителя Санкт-Петербургского учебного округа И.Д. Делянова в отношении Витебской и Могилевской губерний.

Ключевые слова: Виленский учебный округ, Священный Синод, временные правила 23 марта 1863 г., религиозное образование, белорусские крестьяне, А.П. Ширинский-Шихматов, М.Н. Муравьев, А.П. Ахматов.

Abstract. The article examines the process of discussion and adoption of the provisional regulations of 23 March 1863 for people's schools in the provinces of Vilna, Grodno, Kovno, Minsk, Vitebsk and Mogilev by the Western Committee in 1862–1864 and the role of the Chief Procurator of the Holy Synod A.P. Akhmatov in their adjustment. They allowed the use of “local languages” in teaching the Law of God to the Catholic Belarusians and Lithuanians as it had been suggested by the Trustee of the Vilna educational district, Prince A.P. Shirinskii-Shikhmatov and the governor-general of Vilna V.I. Nazimov, who did not give up the idea to combine “vernacular languages” with Russian in the elementary education even after the Polish revolt of 1863–1864. M.N. Muraviov, who succeeded V.I. Nazimov as the chief official of the Northwest region, sought to avoid radical approaches in the confessional sphere and preferred not to force the “withdrawal” of the Polish language from the teaching of the Catholic Law of God and introduction of the Russian (or Belarusian) language instead. However, the decisive factor that determined the practice of applying the temporary regulations of 23 March 1863 in 1863–1865 was a supplement to them, which was published in the journal of the Western Committee but was not inserted in the *Complete Collection of the Laws of the Russian Empire*. It was added at the initiative of A.P. Akhmatov and stipulated that the publication of any literature for the people in a “local language” relating to the Catholic religious education should be postponed pending discussion and final decision by the Holy Synod. Until 1865 when K.P. von Kaufmann was appointed the governor-general of Vilna, the unpublished supplement to the provisional rules was used by the Ministry of Public Instruction as the main argument against the introduction of the Russian language in the religious education of Catholic Belarusians in the Northwest region. In 1864 a similar initiative by the trustee of the Saint Petersburg educational district I.D. Delyanov in respect of Vitebsk and Mogilev provinces was rejected precisely on these grounds.

Keywords: Vilna educational district, Holy Synod, provisional regulations of 23 March 1863, religious education, Belarusian peasants, A.P. Shirinskii-Shikhmatov, M.N. Muraviov, A.P. Akhmatov.

* * *

Западный Комитет был образован по распоряжению императора Александра II 20 сентября 1862 г. Перед ним ставилась задача разработать программу долгосрочных мероприятий, которые положили бы конец сепаратистским тенденциям и способствовали социально-экономической и культурной интеграции Западного края Российской империи. В состав Западного комитета вошли высшие долж-

ностные лица: председатель Комитета министров князь П.П. Гагарин, шеф жандармов князь В.А. Долгоруков, обер-прокурор Св. Синода А.П. Ахматов, министры: иностранных дел князь А.М. Горчаков, внутренних дел П.А. Валуев, государственных имуществ А.А. Зеленый, юстиции Д.Н. Замятнин, военный министр Д.А. Милютин; управляющие министерствами: финансов — М.Х. Рейтерн, народного просвещения — А.В. Головнин. На заседания комитета по высочайшему повелению иногда приглашались и другие сановники. Так, во время обсуждения проекта правил для народных школ Западного края присутствовал граф С.Г. Строганов. Западный комитет активно заседал до конца 1864 г., а затем большая часть поступавших в него дел стала передаваться в Комитет министров¹.

С осени 1862 г. в Западном комитете неоднократно обсуждался вопрос о необходимости образовательных реформ в западных губерниях. В ноябре 1862 г. на рассмотрение членов комитета была внесена особая записка «об учебной части в западных губерниях в 1862 г.»². 17 января 1863 г. Александром II по инициативе П.А. Валуева было утверждено решение составить правила специально для сельских школ литовско-белорусских губерний. Главным условием для их открытия Западный комитет провозглашал предоставление «наивозможно большего участия в этом деле правительству и православному духовенству и наивозможно меньшего — помещикам и духовенству латинскому»³. Важной вехой в истории реформы начального образования стали высочайше утвержденные 23 марта 1863 г. (за год до принятия аналогичных правил для всей Российской империи) временные Правила для народных школ в губерниях Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской, Витебской и Могилевской⁴.

В историографии, посвященной изучению образовательных реформ в Северо-Западном крае, традиционно большое внимание уделялось формированию их институциональных основ. Принятие временных правил 23 марта 1863 г. рассматривается прежде всего в контексте системы мер, направленных на установление ответственного контроля над начальной школой⁵. По мнению О.И. Ершо-

---

¹ Середонин С.М. Исторический обзор деятельности Комитета Министров. СПб., 1902. Т. 3. Ч. 1. С. 186; РГИА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 14. Л. 159–163.

² РГИА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 14. Л. 28–64.

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 349. Л. 96; *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. СПб., 1902. С. 463.

⁴ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 38. Отд. 1. № 39411. Ст. 1–18; *Рождественский С.В.* Указ. соч. С. 467.

⁵ См., например: *Ершова О.И.* Реформы народного образования в Беларуси в XIX веке // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по новой и новейшей истории. 2018. № 2. С. 137–142.

вой, при разработке проекта временных правил наиболее важное значение имели предложения попечителя Виленского учебного округа князя А.П. Ширинского-Шихматова, которые затем в основном были поддержаны членами Западного комитета. Поскольку попечитель не только занимался «теоретическими разработками» будущей реформы, но и руководил организацией народных школ в 1862 г., это позволило ему внести коррективы в свои первоначальные предложения⁶. Однако исследовательница оставила без внимания позицию митрополита Литовского Иосифа (Семашко), предложение которого о «слиянии» церковно-приходских и народных школ было учтено в окончательном варианте временных правил. Обострившийся в начале 1860-х гг. спор между ведомствами народного просвещения и православного вероисповедания о том, кому должен принадлежать высший надзор над сельскими школами — начальству училищному или епархиальному, в рамках Виленского учебного округа завершился компромиссом благодаря желанию владыки действовать «общими силами и общими средствами»⁷.

Для того чтобы оценить значение этого решения для развития народной школы в литовско-белорусских губерниях, следует указать, что в марте 1863 г., во время обсуждения в Западном комитете данного проекта, выдвигалось предложение о распространении подобных же правил и на Юго-Западный край. 9 и 12 марта А.В. Головнин обращался соответственно к митрополиту Киевскому и архиепископу Волынскому, спрашивая их мнение о возможности «применить это начало» и к местным училищам, однако проект объединения сельских школ был отвергнут местной епархиальной властью⁸. При этом митрополит Киевский Арсений (Москвин) в качестве аргумента указывал на то, что «Украина... и Литва... и в историческом и в этнографическом отношениях далеко одна на другую не похожи»⁹.

В научной литературе неоднократно ставился вопрос о том, в какой степени временные правила 23 марта 1863 г. допускали употребление белорусского языка в народной школе, а также как положения этих правил применялись на практике. С одной стороны, высказывалось мнение, что хотя эти правила теоретически допускали использование «местных наречий» при обучении Закону Божьему католиков-белорусов, но практических шагов не было сделано ни

⁶ *Ершова О.И.* Разработка принципов организации начального народного образования в Виленском учебном округе в начале 60-х гг. XIX в. // Российские и латвийские исследования: Сб. науч. статей. Минск, 2004. С. 118–121.

⁷ Подробнее см.: *Комзолова А.А.* Митрополит Иосиф (Семашко) и реформы народной школы в Северо-Западном крае // Российская история. 2020. № 2. С. 168–173.

⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 349. Л. 96 об., 97.

⁹ Там же. Л. 30.

правительством, ни католическим костелом¹⁰. С другой — отмечалось, что после начала польского восстания 1863–1864 гг. и вплоть до 1865 г. оставалась «некоторая неопределенность» в отношении языка преподавания католического Закона Божьего в народных школах¹¹. Согласно предположению Д. Сталюнаса, это было обусловлено прежде всего политической волей виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьёва (1863–1865 гг.). При Муравьёве не произошло ни отказа от польского языка, ни введения русского (или белорусского) языка в религиозное образование католиков-белорусов. По мнению историка, Муравьёв принял это решение в силу «неуверенности в русскости православных крестьян» и опасений, что перевод и издание катехизиса на русский язык могло привлечь к католицизму бывших униатов. Важным фактором он также считает восприятие русского языка как «достояния» православной церкви¹². С последним доводом трудно согласиться. В отличие от церковнославянского или польского языков, ни русский литературный, ни белорусский не были языками сакральными, церковными. Издание полных переводов Священного Писания на русский язык было одобрено в 1859 г., а в начале 1860-х гг. в русском образованном обществе только начал широко обсуждаться вопрос о статусе современных восточнославянских языков как по отношению к друг другу, так и к церковнославянскому¹³.

Вместе с тем следует ли считать позицию генерал-губернатора М.Н. Муравьёва единственным и решающим фактором, определившим в 1863–1865 гг. практику применения временных правил 23 марта 1863 г.?

В основу временных правил для народных школ лег проект, подготовленный Министерством народного просвещения, который дважды — 5 и 13 марта 1863 г. — обсуждался в Западном комитете¹⁴. Помимо проекта, члены комитета рассмотрели четыре записки, представленные А.В. Головнину в связи с разработкой этих

---

¹⁰ *Токть С.* Конфессиональная политика Российской империи в белорусской деревне во второй половине XIX — начале XX в. // *Lietuvių katalikų mokslo akademijos metraštis*. T. 26. Vilnius, 2005. С. 413.

¹¹ Западные окраины Российской империи / Под ред. М.Д. Долбилова и А.И. Миллера. М., 2006. С. 245–246.

¹² *Сталюнас Д.* Границы в пограничье: Белорусы и этнолингвистическая политика Российской империи на Западных окраинах в период Великих реформ // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 277–281; ср.: *Staliūnas D.* Making Russians: Meaning and Practice of Russification in Lithuania and Belarus after 1863. Amsterdam; New York, 2007. P. 162–163.

¹³ *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 101–102.

¹⁴ РГИА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 14. Л. 159–163.

правил, — попечителя Виленского учебного округа князя А.П. Ширинского-Шихматова от 9 ноября 1862 г. и 4 февраля 1863 г., виленского генерал-губернатора В.И. Назимова от 1 февраля 1863 г., митрополита Литовского Иосифа (Семашко) от 2 февраля 1863 г.¹⁵ В этих записках были сформулированы все основные вопросы, которые и стали предметом обсуждений на заседаниях Западного комитета. Одним из главных был вопрос о языке преподавания в народных школах Закона Божия для белорусов-католиков, который прежде всего был обозначен А.П. Ширинским-Шихматовым. 14 ноября 1862 г. А.В. Головнин, ознакомившись с его запиской от 9 ноября, оставил резолюцию: «Разрешение этого вопроса зависит от решения в Западном комитете общих вопросов по учебной части западных губерний и потому следует ожидать сего последнего». Позднее, 21 февраля 1863 г., последовало повеление императора передать эту записку вместе с другими предложениями на рассмотрение Западного комитета¹⁶.

С первых шагов по организации в 1862 г. в Виленском округе народных училищ А.П. Ширинский-Шихматов, выступая за поощрение «белорусскости» крестьян, одновременно стремился установить четкие пределы для использования «местного наречия» в начальной школе и закрепить ведущую роль русского языка. Он рекомендовал наставникам училищ вести преподавание «на чисто русском языке», допуская белорусское «наречие» при обучении «только как необходимое пособие для первоначальных бесед с детьми и для объяснения им непонятных русских слов»¹⁷. Учителя должны были стремиться к тому, чтобы вывести из употребления крестьян слова, «вошедшие в белорусский язык со времени Унии», такие как «костел», «коммуния», «парафия» и др., заменяя их русскими эквивалентами¹⁸.

К моменту разработки временных правил Виленский учебный округ имел довольно скудный опыт организации религиозного образования для крестьян-католиков. Согласно отчету попечителя, в первых народных школах, открывавшихся с осени 1862 г., изначально фактически не было католических законоучителей вследствие своего рода бойкота местных ксендзов. В некоторых случаях католи-

---

¹⁵ См., например, отношение управляющего делами Комитета министров статс-секретаря Ф.П. Корнилова к министру внутренних дел П.А. Валуеву. Сообщая о заседании Западного комитета 5 марта 1863 г., Корнилов препровождал четыре узаконные записки (РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1856. Л. 1).

¹⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 62. Д. 1482. Л. 388; Ф. 1267. Оп. 1. Д. 14. Л. 206.

¹⁷ Отчет о состоянии народных училищ Виленского учебного округа за 1862 год // ОР РНБ. Ф. 377. Д. 87. Л. 22.

¹⁸ Циркуляр А.П. Ширинского-Шихматова 12 января 1863 г. // Там же. Д. 85. Л. 1 об.

ки-белорусы соглашались с тем, чтобы их детей учили Закону Божию православные священники, которые, в свою очередь, действовали «весьма осторожно»: они преподавали библейскую историю католикам наравне с другими своими учениками, но не затрагивали догматов католицизма¹⁹.

А.П. Ширинский-Шихматов полагал, что правительству необходимо было срочно определить, на каком языке преподавать Закон Божий и издавать религиозные книги для католиков-белорусов — «на польском, русском или белорусском?», причем решение этого вопроса не следовало затягивать. Попечитель считал возможным перевести католические религиозные книги с польского языка на «чисто русский». Перевод на белорусский язык представлялся ему слишком затруднительным с лингвистической точки зрения, учитывая его статус как языка простонародного, разговорного и не книжного. По его словам, «белорусской литературы покуда еще не существует, нет, следовательно, и одного общего для всех белорусов языка; существуют только различные его наречия»²⁰. Попечителю была очевидна значительная культурная дистанция между неграмотными крестьянами и образованными чиновниками и учителями, как и то, что «литературного русского языка белорусские крестьяне не понимают, точно так, как не понимают его и великорусы». Однако в качестве решения он предлагал печатать религиозные книги для белорусов-католиков, используя понятную и родственную для них «простую безыскусственную русскую речь»²¹. Соответственно, и для преподавания Закона Божия для белорусов-католиков также могла быть использована «простая русская речь», которая отнюдь не была тождественна русскому литературному языку.

Во всех предлагаемых мерах А.П. Ширинский-Шихматов видел не только путь постепенного распространения грамотности среди белорусов, но и осуществление более широких культурно-политических задач в условиях борьбы правительства с польским культурным доминированием в этом регионе. Благодаря начальным школам правительство могло бы взять на себя задачи нациостроительства в рамках единого русского народа: «соединив посредством одного общего русского языка всех белорусов в одну цельную народность», оно, по мнению попечителя, могло бы сблизить их «со всею остальною многочисленною семьею русского народа»²².

---

¹⁹ Там же. Д. 87. Л. 20 об. — 21.

²⁰ РГИА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 14. Л. 209–209 об.

²¹ Там же. Л. 209 об.

²² Там же. Л. 210.

В целом программа А.П. Ширинского-Шихматова, направленная на подрыв доминирования в Северо-Западном крае польского языка и поощрение культурной идентичности белорусов и литовцев, не ограничивалась сферой народного просвещения и распространялась на религиозные практики. Ослабление позиций польского языка на землях бывшего Великого княжества Литовского обуславливалось отказом от восприятия его как неотъемлемого атрибута католицизма. Еще в 1861 г. Ширинский-Шихматов предлагал для белорусов-католиков главные молитвы и краткий катехизис перевести «на белорусское наречие, употребляя для печати русский шрифт»²³. Позднее, в апреле 1863 г., попечитель вновь выступил с идеей «вывести» польский язык из католического богослужения в областях, «населенных народом русским», и заменить его «местным наречием». Также он считал необходимым установить в католических семинариях края преподавание всех предметов «на русском и жмудском языках» вместо польского²⁴.

По мнению М.Д. Долбилова и Д. Сталюнаса, сразу после начала польского восстания 1863–1864 гг. произошел перелом в языковой политике А.П. Ширинского-Шихматова, и он начал выступать не за использование «местных наречий», а за возможно более скорое внедрение преподавания исключительно на русском языке²⁵. В частности, как полагает Долбилов, с началом восстания изменилось отношение попечителя к сборнику «Рассказы на белорусском наречии», издание которого он одобрил в декабре 1862 г. Этот анонимный сборник, призванный в доступной и незатейливой форме убедить белорусских крестьян в их русском, а не польском происхождении, был одним из редких опытов «проправительственной пропаганды» на белорусском языке. Публикация «Рассказов» весной 1863 г., в разгар восстания, якобы стала «диссонансом языковой политике учебного округа», поскольку как раз тогда Ширинский-Шихматов «начал отходить от прежней установки на сочетание “местного наречия” с русским языком в начальном обучении»²⁶. Однако если такие изменения в позиции попечителя действительно имели место, они произошли не в одночасье, и влияние польского восстания не следует переоценивать.

---

²³ РГИА. Ф. 733. Оп. 62. Д. 1524. Л. 5.

²⁴ Отношение А.П. Ширинского-Шихматова к А.В. Головнину 12 апреля 1863 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 70. Д. 935. Л. 118–119.

²⁵ Западные окраины Российской империи. С. 245; Сталюнас Д. Указ. соч. С. 276, 282–285, 289, 290; Staliūnas D. Op. cit. P. 292–293.

²⁶ Западные окраины Российской империи. С. 169; Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010. С. 200.

Весной 1863 г. Ширинский-Шихматов еще продолжал поддерживать установку на эксперименты с «белорусскостью» и допускал использование двух языков. Так, вместе с письмом 25 марта 1863 г. он переслал обер-прокурору Св. Синода А.П. Ахматову один из первых печатных экземпляров «Рассказов на белорусском наречии». «Цель этой книжки, — отмечал попечитель, — доказать белорусам, что гораздо удобнее писать и печатать русским шрифтом, чем польским. Издания последнего рода чрезвычайно распространялись поляками в народе, и надобно будет им противудействовать мал к малу и сдобривать так сказать белорусскую речь чисто русскою в изданиях, назначаемых для народа»²⁷. Подготовленная в апреле 1863 г. Ширинским-Шихматовым программа «народного» журнала для белорусов (оставшаяся нереализованной) также предполагала употребление белорусского «наречия». Это издание должно было выходить «на чисто русском языке», но для доступности изложения допускались «и местные слова и обороты, взятые из народной речи»²⁸.

Хотя сложно оценить степень распространения в 1860-х гг. белорусского языка в народных школах, но можно утверждать, что в это время идеи попечителя о сочетании в начальном обучении «местного наречия» с русским языком применялись и на практике. Об этом свидетельствует, в частности, отчет от 18 ноября 1863 г. Н.П. Авенариуса, командированного в сентябре А.В. Головниным в Виленский учебный округ. Во время командировки он посетил несколько народных училищ, в том числе считавшуюся образцовой школу в местечке Зарудавье Гродненской губернии. Указывая на заметные успехи крестьянских детей в чтении, Авенариус отмечал, что при объяснении сложных слов и оборотов литературного языка учитель постоянно их спрашивал: «а как это будет по-нашему», т.е. по-белорусски. С младшими учениками учитель говорил по-белорусски, а с остальными — «великорусским наречием». Вместе с тем, согласно наблюдениям Авенариуса, крестьянские дети «своим наречием» не дорожили, поскольку «помещикам удалось убедить их, что язык их хлопский»²⁹. Таким образом, низкий социальный статус белорусского языка во многом препятствовал введению начального образования на родном языке.

Предложения А.П. Ширинского-Шихматова были поддержаны В.И. Назимовым, в целом совпадая с программой генерал-губернатора по реформе учебной части, которую тот представил в

---

²⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 31. 2-е отд. 1-й стол. Д. 18г. Л. 231 об.

²⁸ Отношение А.П. Ширинского-Шихматова к А.В. Головнину 7 апреля 1863 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 140. Д. 17. Л. 137 об.

²⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 170. Д. 70. Л. 8.

С.-Петербург еще в начале 1862 г. По мысли Назимова, основной целью распространения начального образования на «местных наречиях» было противодействие укоренившимся в Северо-Западном крае представлениям, «будто римско-католическое исповедание составляет здесь исключительную принадлежность польского происхождения»³⁰. Генерал-губернатор предлагал в Ковенской губернии отстранить от начального образования католическое духовенство, которое, по его мнению, одновременно «с обучением местному наречию ведет польскую пропаганду». Вместо ксендзов необходимо было привлекать русских учителей, которые смогли бы преподавать на литовском и жмудском языках наряду с русским. В районах со смешанным населением — в Виленской и Гродненской губерниях — католических священников предполагалось допускать только к преподаванию Закона Божия, причем на белорусском «наречии»³¹.

Подход попечителя Виленского учебного округа к вопросу о «местных наречиях» разделял и А.В. Головнин. Под его руководством министерство разрабатывало проекты развития народного образования, предполагавшие использование местных языков в начальной школе. А в Киевском учебном округе ведомство оказывало покровительство украинофилам, участвовавшим в организации школьного дела, и даже вступило в конфронтацию с местным епархиальным начальством³². Интересным, хотя и косвенным свидетельством либеральных взглядов А.В. Головнина в языковом вопросе является записка попечителя Киевского учебного округа Ф.Ф. Витте к министру от 22 февраля 1863 г., в которой предлагалось издавать для народного чтения книги «на языках русском литературном и народном малороссийском». Анализируя новый проект Положения о начальных народных училищах, подготовленный в начале 1863 г. ведомством народного просвещения для большей части учебных округов, Витте убедился в том, что «министерство, по причинам педагогическим и политическим, не исключает вовсе из употребления в школе языков малорусского и белорусского». Попечитель находил «в таком воззрении министерства» подтверждение его собственного взгляда на этот предмет³³.

В итоге, в первоначальном варианте проекта временных правил для северо-западных губерний вопрос о языке преподавания опре-

³⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 140. Д. 17. Л. 1 об. — 2.

³¹ Отношение В.И. Назимова к А.В. Головнину 1 февраля 1863 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 62. Д. 1483. Л. 43–56.

³² Стафёрова Е.Л. А.В. Головнин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 1860-х гг.). М., 2007. С. 251–254.

³³ РГИА. Ф. 733. Оп. 170. Д. 45. Л. 1 об.

делялся следующим образом. В последнем, 17-м параграфе устанавливалось общее правило, что преподавание в народных училищах «происходит на русском языке». Но одновременно указывалось, что «в дирекциях [народных училищ] Виленской, Минской, Могилевской и Витебской», т. е. в местностях с преобладающим белорусским населением, «Закон Божий излагается на местном наречии законоучителями римско-католического исповедания, а в Поневежской (позднее переименована в Ковенскую дирекцию. — А.К.) — на литовском или жмудском языках, изучение коих вообще допускается независимо от языка русского»³⁴. Тем самым теоретически допускалась и возможность преподавания литовского и жмудского языков как отдельных предметов.

В окончательном варианте временных правил, подготовленном Западным комитетом и одобренным императором, этот текст был отредактирован. Параграф 17-й заканчивался указанием на преподавание на русском языке, а затем был добавлен еще один, 18-й, параграф. В этом параграфе отмечалось, что «детям, принадлежащим к римско-католическому вероисповеданию, Закон Божий преподается их законоучителями на местном наречии». Именно в таком виде эти временные правила были включены в Полное собрание законов³⁵. Однако Западный комитет вставил в 18-й параграф дополнение, которое не было опубликовано. На основании этого дополнения, правила, изложенные в 18-м параграфе, могли «потребовать печатания на местном наречии учебных книг, до латинского вероисповедания относящихся», вследствие чего Западный комитет постановил: «сие последнее обстоятельство предоставить на предварительное обсуждение Св. Синода»³⁶.

Изменения в текст временных правил были внесены в результате дискуссий и, видимо, споров в Западном комитете, однако журнал комитета не содержит каких-либо указаний о том, кем и какие замечания были представлены. В значительной мере проясняют этот вопрос документы, сохранившиеся в архивах канцелярий обер-прокурора и Св. Синода. А.П. Ахматов³⁷ участвовал в обсуждении временных правил еще на предварительном этапе их подготовки и

---

³⁴ РГИА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 14. Л. 187.

³⁵ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 38. Отд. 1. № 39411. Ст. 18.

³⁶ РГИА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 14. Л. 186 об. — 187; Ф. 733. Оп. 62. Д. 1483. Л. 223 об. — 224. Д. Сталюнас, анализировавший работу Западного комитета по редактированию временных правил, по какой-то причине не обратил внимание на это дополнение, касавшееся Св. Синода, ср.: *Сталюнас Д.* Указ. соч. С. 277.

³⁷ Подробнее о нем см.: *Бежанидзе Г.В.* Обер-прокурор Святейшего Синода А.П. Ахматов и святитель Филарет (Дроздов) // *Филаретовский альманах.* 2007. № 3. С. 53–97.

21 февраля 1863 г. направил А.В. Головнину ряд своих замечаний на проект, составленный Министерством народного просвещения на основе «бывших по сему предмету совещаний»³⁸.

Наибольшего внимания заслуживает всеподданнейшая записка А.П. Ахматова, представленная императору в то время, когда временные правила рассматривались в Западном комитете³⁹. На ее полях Александр II оставил резолюцию: «В журнале Западного комитета, который я только что прочел, в заключении сказано, чтобы вопрос о печатании книг, до латинского исповедания относящихся, на русском языке, предоставить на предварительное обсуждение Св. Синода; следовательно, желание твое исполнено»⁴⁰.

Главным аргументом обер-прокурора А.П. Ахматова была забота о потенциальной угрозе прозелитизма в случае перевода католической религиозной литературы на русский язык. Декларативно признавая «неоспоримые достоинства» введения местных «наречий» в преподавание⁴¹, он прежде всего обращал внимание на те проблемы, которые могли возникнуть в связи с этим. Ахматов отмечал, что «все учебники и молитвенники, относящиеся к римско-католическому исповеданию, будут неизбежно напечатаны на народном языке, то есть белорусском и русском». Опасным последствием, по мнению обер-прокурора, будет католический прозелитизм: «Латинское учение может легко вторгнуться в среду православного населения, еще не вполне утвердившегося в вере отцов своих после возвращения из насильственно навязанной ему Унии, и народный язык делается сильным орудием латинской пропаганды, так тесно связанной с политическими замыслами»⁴². По убеждению Ахматова, 18-й параграф проекта временных правил мог быть использован «врагами Православия и России» «в пользу латино-польского влияния» в тех местностях Северо-Западного края, где проживало смешанное и «чисто русское» население и «где народным языком почитается

³⁸ Замечания А.П. Ахматова касались роли православного духовенства в управлении училищами (РГИА. Ф. 797. Оп. 31. 2-е отд. 1-й стол. Д. 186. Л. 11–12 об.).

³⁹ Эта записка не датирована, но можно предположить, что она была составлена в марте 1863 г. А.П. Ахматов представлял Александру II доклады 2, 9, 16 и 30 марта 1863 г., однако в реестре его всеподданнейших докладов данная записка не указана. Вероятно, ее можно датировать 9 марта — временем между двумя заседаниями Западного комитета (РГИА. Ф. 1409. Оп. 3. Д. 7672. Л. 7–11).

⁴⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 32. 4-е отд. Д. 292. Л. 48 (копия резолюции), 61 (подлинник).

⁴¹ Позднее А.П. Ахматов поддержал «Валуевский циркуляр» 18 июля 1863 г., ограничивший печать на малороссийском языке. Подробнее см.: *Remy J. The Value of Circular and Censorship of Ukrainian Publications in the Russian Empire (1863–1876): Intention and Practice // Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes. 2007. Vol. 49. № 1–2. P. 95–96.*

⁴² РГИА. Ф. 797. Оп. 32. 4-е отд. Д. 292. Л. 62 — 62 об.

белорусский»⁴³. Принимая во внимание «религиозную сторону вопроса о местном наречии для обучения латинскому катехизису», его влияние «на судьбу Православия в Западном крае», а также возможные обвинения и недовольство со стороны православного духовенства, Ахматов настаивал на участии Св. Синода во «всестороннем обсуждении этого предмета»⁴⁴.

9 апреля 1863 г., после утверждения временных правил императором, обер-прокурор передал на рассмотрение Св. Синода заключения Западного комитета, касавшиеся 18-го параграфа⁴⁵. Св. Синод, рассмотрев это представление только 19 июня 1863 г., постановил собрать мнения преосвященных Литовского, Могилевского, Минского и Полоцкого⁴⁶. К какому заключению в итоге пришел Св. Синод, каковы были мнения преосвященных, и велась ли вообще эта работа при обер-прокуроре Ахматове — таких материалов пока обнаружить не удалось.

Вплоть до 1865 г. неопубликованное дополнение к временным правилам 23 марта 1863 г. не оставалось «пустой буквой» и учитывалось Министерством народного просвещения в качестве решающего довода при рассмотрении вопроса о переводе на русский язык религиозного образования католиков-белорусов. Причем вскоре этот вопрос вновь был поднят по инициативе уже не Виленского, а С.-Петербургского учебного округа. 28 апреля 1864 г. с таким предложением обратился к А.В. Головнину попечитель И.Д. Десянов, имея в виду сельские школы в Витебской и Могилевской губерниях⁴⁷. Предполагалось перевести преподавание Закона Божия во всех начальных училищах, включая приходские, уездные и частные, с польского на русский язык. Тем самым речь шла о реализации 18-го параграфа временных правил 23 марта 1863 г., согласно которому католики получали религиозное образование на «местном наречии».

В записке Десянова отмечалось, что для белорусов-католиков польский язык не является родным. Обучавшиеся в училищах Витебской и Могилевской губерний католики — «дети бедных чиновников, бедной шляхты и мещанские» — постоянно находились в среде, «где обыкновенно говорят по-белорусски... большею частью не

---

⁴³ РГИА. Ф. 796. Оп. 144. Д. 578. Л. 1 об.

⁴⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 32. 4-е отд. Д. 292. Л. 63 — 63 об.

⁴⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 144. Д. 578. Л. 1–2.

⁴⁶ Там же. Л. 10–12.

⁴⁷ Витебская и Могилевская губернии на тот момент входили в С.-Петербургский учебный округ. 15 сентября 1864 г. по предложению виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева решением Западного комитета они были подчинены Виленскому учебному округу «в видах единства в распоряжениях» (РГИА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 31. Л. 5 об.).

умеют не только читать и писать, а нередко и говорить по-польски, так как в семействах их употребляется обыкновенно белорусское наречие». «В таком случае не следует и в учебных заведениях учить их тому, в чем они не нуждаются ни по семейным, ни, еще менее, по общественным своим отношениям. Не следует вселять в них ту мысль, что они не только католики, но и поляки, — при преподавании же Закона Божия на польском языке эта мысль невольно рождается сама собою», — подчеркивалось в записке попечителя. Необходимость введения русского языка обосновывалась тем, что Витебская и Могилевская губернии были населены «по большей части белорусами, коих наречие гораздо более подходит к русскому, нежели к польскому, и ... училища уездные и, в особенности, приходские, по ограниченности своего курса, близко подходят к народным». При этом руководство С.-Петербургского учебного округа не проводило четкого различия между русским литературным языком и белорусскими диалектами⁴⁸.

Однако прежде чем министр народного просвещения успел принять решение, в это дело вмешался виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев. Он настаивал на том, что следует проявлять осторожность и избегать радикальных мер во всех вопросах, касающихся конфессиональных отношений в Северо-Западном крае, включая и сферу народного образования⁴⁹. Генерал-губернатор советовал Головнину не торопиться: «Вопрос о преподавании Закона Божия римско-католического исповедания на русском языке в народных училищах Северо-Западного края, предварительно окончательного проведения оно, требует по особенной своей важности зрелого обосуждения»⁵⁰.

Предложение И.Д. Делянова фактически было отклонено Министерством народного просвещения по формальной причине — отсутствия одобрения Св. Синода. По словам А.В. Головнина, «по поводу подобного же предложения в 1862 г. бывшего попечителя Виленского учебного округа князя Ширинского-Шихматова, вне-

---

⁴⁸ Отношение И.Д. Делянова к А.В. Головнину 28 апреля 1864 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 170. Д. 112. Л. 1 — 4 об.

⁴⁹ Полемика 1860-х гг. в правительственных кругах вокруг языка религиозного образования католиков-белорусов также была связана с противоречивым отношением русского общественного мнения и представителей бюрократии к введению русского языка в дополнительное католическое богослужение. Подробнее см.: *Weeks T.R. Religion and Russification: Russian Language in the Catholic Churches of the «Northwest Provinces» after 1863 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2001. Winter. Vol. 2. № 1. P. 87–110; Долбилов М.Д. Русскоязычное католическое богослужение в Западном крае Империи: практика перевода (1860–1870-е гг.) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2008. № 1(3). С. 40–60.*

⁵⁰ Отношение М.Н. Муравьева к А.В. Головнину 31 июля 1864 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 170. Д. 112. Л. 6.

сенного по высочайшему повелению на рассмотрение Западного комитета, еще в 1863 г. происходило суждение в сем комитете ... и высочайше утвержденным 23 марта того же года положением комитета постановлено было дело это передать на ближайшее усмотрение обер-прокурора Св. Синода»⁵¹.

В итоге, введение русского языка в религиозное образование белорусов-католиков произошло уже при К.П. фон Кауфмане, преемнике М.Н. Муравьева на посту виленского генерал-губернатора. В отличие от Муравьева, у него не было сомнений в том, на каком языке должно происходить преподавание Закона Божия. «Мое личное мнение клонится к тому, — писал Кауфман, — чтобы произносились были проповеди, а равно преподаваемы первоначальные правила веры и катехизические поучения не на белорусском, а на русском языке. Народ здесь хорошо понимает русский язык, в чем я лично убедился, говоря с ним во время поездки по Витебской губернии; ксендзы тоже достаточно знают по-русски»⁵².

27 августа 1865 г. попечитель Виленского учебного округа И.П. Корнилов сообщил А.В. Головнину, что по распоряжению К.П. Кауфмана во всех народных и приходских школах Северо-Западного края Закон Божий с начала 1865/66 учебного года должен был преподаваться католикам-белорусам только на русском языке, а «на Жмуди же, где народ не везде еще усвоил себе этот язык», — на жмудском⁵³. При этом решение было принято в Вильне без предварительных согласований с С.-Петербургом. Министр вынужден был одобрить эту меру «задним числом», признав ее «весьма полезною». Вместе с тем Головнин обращал внимание Кауфмана на историю рассмотрения этого вопроса в центральных учреждениях, связанную с обсуждением предложений А.П. Ширинского-Шихматова в Западном комитете в 1863 г. «Постановлено было, — отмечал Головнин, — ...обстоятельство это передать на предварительное обсуждение Св. Синода», но до сих пор «о последствиях дальнейших по сему предмету распоряжений со стороны Св. Синода в Министерстве народного просвещения сведений не имеется»⁵⁴.

Для религиозного образования католиков в Виленском учебном округе в 1865–1866 гг. было одобрено издание нескольких католиче-

---

⁵¹ Отношение А.В. Головнина к М.Н. Муравьеву 8 августа 1864 г. // Там же. Л. 8 — 8 об.

⁵² Отношение К.П. фон Кауфмана к П.А. Валуеву 27 ноября 1865 г.: // РГИА. Ф. 821. Оп. 1. Д. 1122. Л. 4 об.

⁵³ На полях этого отношения сохранилась отметка: «На эту меру не решился даже гр. Муравьев» (РГИА. Ф. 733. Оп. 170. Д. 112. Л. 9 — 9 об.).

⁵⁴ Отношение А.В. Головнина к К.П. фон Кауфману 15 сентября 1865 г. // Там же. Л. 11–12.

ских катехизисов и другой учебной литературы, переведенных на русский язык. Но на деле они далеко не сразу стали доступны ученикам народных школ. По свидетельству попечителя П.Н. Батюшкова, еще в конце 1860-х гг. во многих школах как православные, так и католики обучались библейской истории «по одним и тем же учебникам» — по руководству православного священника Базарова или по «Книге для чтения», изданной учебным округом⁵⁵.

Таким образом, временные правила 23 марта 1863 г. определили правовые основы для организации и дальнейшего развития начальной сельской школы в Северо-Западном крае. Вопрос о языке преподавания, с формальной точки зрения, разрешался в достаточно либеральном ключе, предоставляя правительству своего рода «свободу рук» — гибкую возможность использования местных «наречий», в первую очередь в религиозном образовании католиков. Однако содержащиеся в тексте правил оговорки, предполагавшие дальнейшее рассмотрение этого дела Св. Синодом и внесенные туда по настоянию обер-прокурора А.П. Ахматова, фактически до 1865 г. «заморозили» решение языкового вопроса.

References

Bezhanidze G.V. *Ober-prokuror Svyateyshego Sinoda A.P. Akhmatov i svyatitel' Filaret (Drozdov)* [Chief Procurator of the Holy Synod A.P. Akhmatov and Saint Philaret (Drozdov)] // *Filaretovskiy al'manakh*. 2007. N 3. P. 53–97.

Dolbilov M.D. *Russkiy kray, chuzhaya vera: etnokonfessional'naya politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II* [A Russian Region, Alien Faith: Ethno-Confessional Policy of the Empire in Lithuania and Belorussia during the Reign of Alexander II]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2010. 1000 p.

Dolbilov M.D. *Russkoyazychnoye katolicheskoye bogoslužheniye v Zapadnom krae imperii: praktika perevoda (1860–1870-ye gg.)* [Russian-Speaking Catholic Worship in the Western Region of the Empire: Practice of Translation (1860–1870s)] // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. N 1 (3). P. 40–60.

Ershova O.I. *Razrabotka printsipov organizatsii nachal'nogo narodnogo obrazovaniya v Vilenskom uchebnom okruge v nachale 60-kh gg. XIX v.* [The Development of the Principles of Organization of Elementary Public Education in the Vilna Educational District in the Early 1860s] // *Rossiyskiye i slavyanskiye issledovaniya: sbornik nauchnykh statey* [Russian and Slavic Studies: A Collection of Scientific Articles] / Ed. by O.A. Yanovskiy. Minsk: BGU, 2004. P. 118–121.

Ershova O.I. *Reformy narodnogo obrazovaniya v Belarusi v XIX veke* [Reforms of Public Education in Belarus in the 19th Century] // *“Dolgiy XIX vek” v istorii Belarusi i Vostochnoy Yevropy: issledovaniya po novoy i noveyshey istorii*. 2018. N 2. P. 137–142.

---

⁵⁵ Корнилов И.П. Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в муравьевскую эпоху. Изд. 2. СПб., 1908. С. 197–201.

Komzolova A.A. *Mitropolit Iosif (Semashko) i reformy narodnoy shkoly v Severo-Zapadnom kraye* [Metropolitan Joseph (Semashko) and reforms of the public school in the North-Western Provinces] // *Rossiyskaya istoriya*. 2020. N 2. P. 159–173.

Kornilov I.P. *Russkoye delo v Severo-Zapadnom kraye. Materialy dlya istorii Vilen-skogo uchebnogo okruga preimushchestvenno v murav'yovskuyu epokhu* [The Russian Cause in the Northwest Region. Materials for the History of the Vilna Educational District Mainly during the Muravyov's Era]. 2nd ed. Saint Petersburg: Tipografiya A.S. Suvorina, 1908. XXVIII, 504 p.

Miller A.I. "Ukrainskiy vopros" v politike vlastey i russkom obshchestvennom mnenii (vtoraya polovina XIX v.) [The "Ukrainian Question" in the Authorities' Policy and Russian Public Opinion in the Second Half of the 19th Century]. Saint Petersburg: Aleteia, 2000. 260 p.

Remy J. *The Value Circular and Censorship of Ukrainian Publications in the Russian Empire (1863–1876): Intention and Practice* // *Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes*. 2007. Vol. 49. N 1–2. P. 87–110.

Rozhdestvenskiy S.V. *Istoricheskiy obzor deyatelnosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [A Historical Review of the Activities of the Ministry of Public Instruction]. Saint Petersburg: Izdaniye Ministerstva narodnogo prosveshcheniya, 1902. II, 785 p.

Seredonin S.M. *Istoricheskiy obzor deyatelnosti Komiteta ministrov* [A Historical Review of the Activities of the Committee of Ministers]. Vol. 3. Part 1. Saint Petersburg: Kantselyariya Komiteta ministrov, 1902. VIII, 358 p.

Staferova E.L. A.V. *Golovnin i liberal'nyye reformy v prosveshchenii (pervaya polovina 1860-kh gg.)* [A.V. Golovnin and Liberal Reforms in Education in the First Half of the 1860s]. Moscow: Kanon+, 2007. 512 p.

Staliūnas D. *Making Russians: Meaning and Practice of Russification in Lithuania and Belarus after 1863*. Amsterdam; New York: Rodopi, 2007. XIV, 465 p.

Stalyunas D. *Granitsy v pogranič'ye: belorusy i etnolingvističeskaya politika Rossiyskoy imperii na zapadnykh okrainakh v period Velikikh reform* [Borders in the Borderland: the Belarusians and Ethno-Linguistic Policy of the Russian Empire in the Western Border Territories during the Great Reforms] // *Ab Imperio*. 2003. N 1. P. 261–292.

Tokt' S. *Konfessional'naya politika Rossiyskoy imperii v belorusskoy derevne vo vtoroy polovine XIX — nachale XX v.* [Confessional Policy of the Russian Empire in the Belarusian Village in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries] // *Lietuvių katalikų mokslo akademijos metraštis*. T. 26. Vilnius: Lietuvių katalikų mokslo akademija, 2005. P. 399–420.

Weeks T.R. *Religion and Russification: Russian Language in the Catholic Churches of the "Northwest Provinces" after 1863* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2001. Winter. Vol. 2. N 1. P. 87–110.

Zapadnyye okrainy Rossiyskoy imperii [The Western Border Regions of the Russian Empire] / Ed. by M.D. Dolbilov i A.I. Miller. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2006. 608 p.

Поступила в редакцию
1 ноября 2021 г.